

*Спасательный
круг*

Я очень люблю воду. Хотя всегда боялся утонуть. То же самое я испытываю по отношению к женщинам. Открытая шея, зеленый взор, волнистая прядь пугают не меньше, чем открытый водоем и нечаянная волна. Море — это не по мне. Женщина же это всегда море. Море и бездонность.

Всем открытым водоемам я предпочитаю бассейн. Бассейн напоминает женщину, ограниченную условностями. В нем тепло, радостно и безопасно. В любой момент всегда можно выбраться на сушу. Впрочем, плавание в бассейне имеет и другие положительные стороны. Здесь даже у самых рьяных хищниц притупляется охотничий инстинкт. Не удивлюсь, если когда-нибудь будут обнаружены данные, свидетельствующие о вредности купания в бассейне, о солях тяжелых металлов, присутствующих в отечественной хлорке, о ядовитых примесях в кафельной плитке и прочих гадостях.

Я знаю десятки семейных пар, познакомившихся в бане и в ресторане, в купе поезда дальнего следования и в метро, на пляже и на колхозном поле. Даже в кабинете следователя. Но не знаю ни одной, сложившейся в бассейне. В бассейне мужчины и женщины прежде всего заботятся о своем здоровье. Им некогда думать о ерунде. В конце концов, подливают же солдатам в пищу немного брома. Солдаты должны думать о полях сражений и маршальских жезлах, а не о девушках. Может быть, в бассейнах мужчины и женщины тоже на какое-то время становятся солдатами, солдатами здоровья. И устроители бассейнов в этом вопросе идут им навстречу.

Ирина Петровна даже внешне напоминала мне того самого солдата. Крупная, высокая, она, казалось, самой природой предназначалась для того, чтобы напоминать о Жан-Жаке Руссо и о его призыве «Назад, к природе!». Впрочем, напрасно прародительница так зазывала своих

чад обратно. Глядя на Ирину Петровну, трудно было избавиться от ощущения, что человек не далее как вчера прогуливался по дорожкам эдемского сада (если они, конечно, там есть). Капли воды, которые она энергично смахивала с чашечек купальника, казались каплями дождя, коими Творец щедро орошал своих детей. Холодное удивление, с которым она наблюдала за моим суетливым желанием подчинить себе воду, было удивлением существа, не ведавшего добра и зла.

Она превосходила меня во всем. И не только меня. Если где-то и был Адам, которому она могла подчиниться, то называть его должны были не иначе как Железный Арни. Но в бассейне, среди тех, кто два раза в неделю пытался размять свои скрюченные в офисных баталиях косточки, таковых не было.

Удивительно, но Ирина Петровна уже с третьего посещения стала удостаивать меня необременительной беседой. Вероятно, ее влекли ко мне те же чувства, которые заставляют энтомолога безотрывно наблюдать за жуком, барахтающимся в навозной жиже.

— Василий, — она всегда называла меня полным именем, чего я терпеть не мог, но вынужден был терпеть, — что вы думаете о современном бизнесе?

Отгоняя волну, которую с мощным выдохом навлекла на меня Ирина Петровна, я начал судорожно думать о том, как бы достойнее ответить. Пока в моих глазах вспыхивали и гасли улицы Нью-Йорка и Токио, заполненные неоновыми вывесками с индексами Доуэля и Джонса, она уже переключилась на другое:

— А как вам показался последний роман Уэльбека?

И снова я плыл в потоках ее мысленных извержений, не зная, что сказать. Привыкший к бурунам и завихрениям, к ее неожиданному стилю, я не удивился, когда Ирина Петровна в очередной раз задала мне свой каверзный вопрос:

— Василий, — тяжелая волна, подгоняемая ее рукой, ткнулась мне в нос, — как вы себе представляете жизненный крах?

Признаться честно, вопрос этот попал в точку. Порою мне казалось, что мой жизненный крах начался с момента рождения. Если же вспомнить, что два месяца назад я развелся с женой и ушел с хорошо оплачиваемой работы, то вопрос этот был как нельзя кстати.

— О! — сказал я, злобно фыркая и отплевываясь. — Разумеется, это кабинет, украшенный полотнами Магритта и Коро... — я сделал небольшой выпад вперед, чтобы догнать плывущую собеседницу, — всюду ковры, изящные безделушки в восточном стиле, чиппендейловская мебель. На столе, за которым я сижу, лежат пачки веленовой бумаги, украшенной фамильным гербом и печатями. На них щедро рассыпаны сухие колонки цифр; дверь открывается, входит дворецкий...

Ирина Петровна замедлила свой темп, удивленно глядя на меня, и перевернулась на спину.

— «Сэр! — говорит дворецкий хорошо поставленным голосом, очень напоминающим голос Юрия Яковлева. — Мы разорены!» Дворецкий с немим удивлением следит, как мои пальцы, украшенные двумя перстнями с бриллиантами, тянутся к ящику стола. — Ирина Петровна жадно всхлипнула — то ли от смеха, то ли от восторга. — Пистолет с инкрустированной рукояткой ложится в ладонь, я нажимаю на курок, — я крикнул, касаясь рукой кафельного бортика. — Выстрел. Пистолет вываливается из моей руки. На рукоятке виднеется надпись: «Сэру Базилию от Его Королевского Величества в день его совершеннолетия».

Ирина Петровна расхохоталась. Оттолкнулась от лестницы и мощно поплыла по параллельной дорожке. Очутившись впереди, перекинулась на спину и звонко крикнула:

— Василий, вы не лишены фантазии!

— О да! — фыркнул я, чувствуя, что не мешало бы обратиться на берег. — Это, пожалуй, все, что у меня осталось...

Вода все больше хотела узнать, что у меня внутри. Едва двигая руками, связанными петлями усталости, я повернул обратно.

— Но вы описали жизненный крах, так сказать, в мужском варианте, — Ирина Петровна, рождая пенный бурун, вынырнула впереди меня и мелкими саженками приблизилась вплотную. — А как бы вы описали то же самое, только для девушки, которой двадцать шесть лет, за спиной которой никому не нужный институт да парочка бестолковых романов? И еще... — Ирина Петровна подплыла ближе и взяла меня за руку, поскольку я начал тонуть, — в сумочке у нее 80 долларов. И ни копейки больше. Как вы полагаете, что из вышеперечисленного может стать для нее спасательным кругом?

Ответить мне помешала вода, которая хлынула в рот и в нос. Признаться честно, в тот момент спасательный круг мне был нужнее, чем вышеописанной девушке. Видя мое бедственное положение, Ирина Петровна пришла на помощь. Руки ее мягкими толчками погнали мое непослушное тело к бортику. Через несколько минут мы уже сидели на скамеечке, глядя на голубовато мерцающую воду.

Я тяжело дышал. Ирина Петровна участливо держала меня за локоть.

— Ну так? — спросила она, когда я немного отдышался. — Видите ли вы где-нибудь на горизонте спасательный круг?

Я покачал головой. Житейский океан был безбрежен, холоден и равнодушен.

— Нет, — сказал я с горестной усмешкой. — В таком положении однозначно надо идти ко дну. Во всяком случае, я бы утонул...

Ирина Петровна усмехнулась. Я молча смотрел на ее сильные загорелые ноги, вытянутые перед моими глазами. Вероятно, такие ноги должна иметь жена Атланта. Или Серена Уильямс в момент выхода на пик формы.

— Вы не поверите, но десять лет назад я оказалась в похожей ситуации. Ко всему прочему, — голос ее дрогнул, — фирмой, в которую мне удалось устроиться на самую рядовую должность, руководил некто Игорь Андреевич, педант и зануда, каких еще поискать надо...

В голосе Ирины Петровны было столько неподдельной злобы, что я с легкостью вообразил, как сильные, мускулистые ноги моей собеседницы прижимаются к трепещущему горлу сурового руководителя... толчок... еще толчок... Педант и зануда испускает дух.

— Я понимала, — Ирина Петровна поднялась и стала растирать свое упругое тело мохнатым, как брюшко шмеля, полотенцем, — еще немного — и с работой придется распрощаться. Знаете, это можно понять по ауре отчуждения, образуемой вокруг кандидата на увольнение. Со мной, как с человеком, внезапно разразившимся проказой, перестали общаться. Ко всему прочему, работала я там не так уж и долго, обзавестись хорошими знакомыми не успела. Как назло, в тот день я немного опоздала. Игорь Андреевич, выскочивший из кабинета в момент, когда я пробиралась к своему рабочему столу, от злости не находил себе места. Самое безобидное словосочетание, услышанное от него тогда: «Поразительная безответственность!» Я не сопротивлялась. В конце концов, жизнь всегда можно начать сначала. Но едва я успела усесться за свой стол, как в кабинет вошли двое...

— Надеюсь, они были не из ФСБ? — усмехнулся я.
Хотя, если честно, я бы этому не удивился.

Ирина Петровна энергично стряхнула с себя капли воды, бросила на меня насмешливый взгляд.

— Нет. Напротив, это были мои друзья, одноклассники — Леша и Витюша. Когда-то я заключила с ними шутовское пари: если я к двадцати шести годам не выйду замуж, а они к этому времени будут свободны, не исключено, что кто-либо из них станет моим мужем. Об этом они тут же заявили всем присутствующим. Представляете, каким ударом это было для всех сотрудников? — Ирина Петровна вскинула вверх полотенце и помахала им над головой, угрожая гикать.

Если бы под ней была лошадь, Ирину Петровну можно было бы принять за гонца маршала Веллингтона, торопящегося сообщить королю о долгожданной победе.

— Оригинально! Не было ни гроша, да вдруг алтын! — я уже выплюнул всю воду, закачанную в легкие, и теперь хмуро рассматривал ее могучую фигуру.

Разумеется, среди нашего брата встречаются поклонники крупных форм. Но я не из их числа...

Ирина Петровна посмотрела на меня и усмехнулась:

— Да-да, и даже два алтына. Кстати, — Ирина Петровна вздохнула, — вот так же смотрел на меня и Игорь Андреевич. Выскочив из кабинета в очередной раз, он как раз попал к дележу добычи...

— Добыча, разумеется, это вы? — я не удержался от подначки.

— Василий, вы на редкость догадливы. С такой проницательностью запросто разгадаете любые ребусы. — Она вытерла тело до красноты и, улыбаясь, продолжила: — Разумеется, Игорь Андреевич с ходу предложил моим друзьям перенести ритуал жениховства за пределы рабочего места. Я, обиженная таким обращением, тут же написала заявление об уходе.

Я внимательно вслушивался в слова Ирины Петровны, не понимая, к чему она клонит. Понятно, что за женскими словесными петлями всегда таится совсем иное, чем просто

желание поведать что-либо новое. По голубоватым дорожкам сновали беззаботные пловцы. Напрасно я дал себя опутать этими петлями. Надо было оставаться обыкновенным пловцом. А я перешел в разряд слушателей. Глупо. Да и какое мне дело до всех этих спасательных кругов, когда я сам тону отчаянно и безвозвратно? Тем более что рассказ Ирины Петровны закончился бесшабашной свадьбой. Шампанское текло рекой, жених носил ее на руках (однако, как в силач!), гости завидовали их счастью.

Мы расстались у раздевалки.

— Любопытно, так кому же вы отдали предпочтение — Леше или Витюше? — спросил я на прощание. — Все-таки, судя по всему, их шансы были приблизительно равны.

Ирина Петровна разочарованно усмехнулась:

— Василий, по-моему, вы ничего не поняли. А впрочем, муж ожидает меня в фойе...

Она сделала приглашающий жест рукой и захлопнула дверь раздевалки прямо перед моим носом. Тоже мне, секрет Полишинеля!

Я забрался под душ, отвернул краны до упора. Тугая струя с нахлестом стегала по горячей коже. Когда я одевался, кожа скрипела, как офицерская португепя.

В фойе бассейна уже толпилось множество людей. Словно в романе Лоуренса, здесь были и сыновья, и любовники. И, разумеется, в небольшом количестве присутствовали и мужья.

Ирина Петровна явилась одной из последних. Завернутая в меховой кокон, она казалась еще крупнее и выше. Словно царица Гипербореи шествовала по уральской степи. Заметив приглашающий кивок, я двинулся следом, укутанный шлейфом ее духов. Невысокий, хорошо одетый мужчина бросился нам навстречу. Не стесняясь окружающих, он раздевал Ирину Петровну глазами.

— По-моему, ты опоздал, — сказала она, царственным жестом выбрасывая из-под полы шубы крупную кисть, опоясанную браслетом с часами.

Мужчина суетливо запрыгал вокруг жены, мраморной колонной возвышающейся над окружающими.

— Ирочка, там такие пробки. Сама понимаешь, я всегда выезжаю заранее, — мужчина виновато потупился.

Ирина Петровна, не слушая оправданий, слегка подтолкнула меня вперед.

— Дорогой, познакомься, это — Василий.

Я протянул свою сморщенную от воды руку виновато улыбающемуся мужчине.

— Очень приятно, очень приятно, — забормотал он, крепко ее пожимая. — Игорь Андреевич.

Я вздрогнул от неожиданности. Искоса глянул на Ирину Петровну. Она перехватила мой взгляд. Движением руки указала мужу на дверь.

— Подожди меня в машине, — голос ее был властным, местами разбавленным ласковыми интонациями. — Я скоро.

Счастливым муж прыжками понесся к двери. Я озадаченно смотрел на Ирину Петровну.

— Ну, теперь поняли? — улыбаясь, спросила она.

Разумеется. Теперь я на все смотрел другими глазами. И прежде всего, на нее саму. Я улыбался.

— Вот, оказывается, каков он — ваш спасательный круг. Кстати, — от неожиданности подобной развязки я осмелел, — а как же одноклассники — Леша и Витюша? Получили отставку?

Ирина Петровна покачала головой:

— И ничего вы не поняли. Спасательным кругом были те самые восемьдесят долларов. На них я пригласила случайных знакомых сыграть роль одноклассников. А что? — она засмеялась. — По тем временам это были

Генрих Кранц. Женщины прощают первыми

не такие уж и малые деньги. Вполне достаточные для устройства собственного счастья.

Я молчал. Молчал, потому что снова плыл по бесконечной водяной дорожке, все глубже погружаясь в ее зеленоватую глубину. По-моему, на этот раз в бассейне не было дна. А может быть, я попросту до него не доставал.

Главная роль

Я стою у окна с видом на Неву. Прямо передо мной Академия художеств с бессменными сфинксами на посту, слева мост лейтенанта Шмидта. Бедный лейтенант, теперь его помнят только благодаря мосту. Слава богу, не самый худший способ просочиться в вечность.

Мне нравятся наши мосты. Они — те же сфинксы, только разрубленные пополам. Выгнув прямые спины, положив чугунные лапы на гранитные набережные, они дремлют днем, а ночью раздваиваются, чтобы пропустить сквозь себя вереницу кораблей.

Я тоже раздваиваюсь. Нет, даже растраиваюсь — между Митькой (сыном), Матвеем (любимым и по совместительству отцом Митьки). Третья сторона моего жизненного треугольника называется Казимирой Львовной. Ей восемьдесят шесть, она вдова известного художника Марцинковского. Четыре года назад знаменитый абстракционист почил в бозе и теперь имеет возможность проверить, есть ли в раю то буйство красок, которое он так любил в своей жизни. То, что он в раю, для меня ясно как дважды два. По словам Казимиры Львовны, Господь сотворил землю только для того, чтобы художнику Марцинковскому было легче с натурой.

Для Казимиры Львовны покойный муж — источник бесконечной страсти. Когда она начинает говорить о нем, я боюсь, что ее хватит кондрашка. Щеки розовеют, губы двигаются, как два дождевых червя, убегающих от опасности, седенькие букли разматываются рулончиками фольги. Особенно она злится, когда вспоминает некоего Джеймса Когана, нью-йоркского критика, выпившего из Марцинковского не один литр его замечательной кипящей крови. Коган тоже умер, но значительно раньше, в семьдесят девятом, когда мне было два года. Теперь Коган и Марцинковский перенесли свою художественную тяжесть на облака. Хотя нет. Коган за свою вредность и нелюбовь к художнику

отправлен в ад. Во всяком случае, в это свято верит вдова художника Марцинковского.

Невзирая на свою почти неизмеримую любовь к покойному мужу, Казимира Львовна не торопится к нему. Более того, после семидесятилетнего пребывания за границей бывшая петербурженка Казя Марцинковская вернулась на родину. Проститься с пенатами. И вот уже четыре года ежедневно с ними прощается. Я активно помогаю ей в этом. Она купила пятикомнатную квартиру на Английской набережной, привезла повара-итальянца и пожилого управляющего Артура Сергеевича, русского эмигранта в третьем поколении. Артур Сергеевич — большой шутник. Нас — то есть меня, повара Джузеппе и себя — он называет «конвой смерти». Вот так-то... Страшно?

К счастью, Казимире Львовне есть на что прощаться с жизнью. Художник Марцинковский ко всему прочему был неплохим бизнесменом. Когда Казимира Львовна начинает перечислять, чем она владеет, мне становится дурно. меховой салон в Риме, картинная галерея в Льеже, фарфоровый завод в Антверпене, три магазина в Нью-Йорке — это все, что я успела уловить из ее лаконичных распоряжений и переговоров с Артуром Сергеевичем. Об остальном известно только Господу Богу и адвокату Зборовски, импозантному мужчине, раз в три месяца прилетавшему из Нью-Йорка для отчета перед вдовой художника.

Несмотря на почтенный возраст, Казимира Львовна имеет хорошую память и деловую хватку. Об этом я могу судить из личного опыта: прибавку в десять долларов к моему жалованью она обсуждала в течение месяца и в конце концов дала только восемь. «Чтоб не разбаловалась», — пояснила она на своем жутком, английско-польско-русском языке.

Как говорит Артур Сергеевич, ей есть на что умирать. А мне не на что жить. Та профессия, которой я успешно

овладевала в течение четырех лет, как раз приносит мне ежемесячную прибыль, сопоставимую с надбавкой Казимиры Львовны. Профессия называется — актер драматического театра. В свое время я была выбрана из 43 претендентов на одно место и зачислена на курс известного мастера, который до сих пор уверен, что из меня вышел толк. Да, толк есть, это точно.

Уроки драматического чтения мне явно пошли на пользу. Во всяком случае, Казимира Львовна моей манерой чтения довольна. И за это она ежемесячно платит мне двести долларов. И прибавку — восемь. За эти деньги я кормлю маму-пенсионерку, трехлетнего Митьку и своего бывшего мужа Матвея. Вообще-то, он Мотька и всегда был Мотькой, но после увлечения Солженицыным стал таким степенно-бородатым, что сразу же превратился в Матвея. А меня стал звать Елизаветой, хотя до этого я была просто Ли. Жаль, что увлечение «великим Солжем» (определение Матвея) не влияет на трудоспособность.

Мотька как был лентяем, так и остался, даже превратившись в Матвея. Он три года пишет роман под названием «Муравейная сила». По-моему, даже из названия видно, что надеяться на этот роман — все равно что ждать, что столицу перенесут из Москвы в Петербург. Увлечение «Солжем» развило в Мотьке болезненную страсть ко всему натуральному — мясу, рыбе, фруктам. Мою восьмидолларовую прибавку и треть зарплаты он съедает за две недели и снова просит. Испуганная Мотькиным аппетитом, я тоже было потребовала от Казимиры Львовны какой-либо прибавки или хотя бы увеличения рабочего дня и, соответственно, жалованья, но она так на меня посмотрела, что я испугалась, что лишусь и этого.

Помимо любви к чтению Казимира Львовна помешана на театре и кино. Она часами может говорить о Комиссаржевской и Ермоловой, обсуждать прически Веры Холодной,

сравнивать наряды Риты Хейворт и Ким Новак. А уж об актерской технике она, кажется, знает все. Она боготворит Михаила Чехова. По ее словам, она занималась у Чехова полгода, а потом заболела туберкулезом и бросила. Я не очень в это верю, но страсть, с которой она выпрашивает меня о годах ученья на Моховой, выдают в ней несостоявшуюся актрису. Нет, мир решительно сошел с ума. Мечтать об актерстве, имея за спиной восемьдесят шесть лет и парочку миллионов, — это уже не смешно. Это страшно.

Дня не проходит, чтобы она не сделала мне какого-либо замечания. То я не так хожу. То слишком сутулюсь (это неправда, я с детства хожу и выгибаю спину так, словно проглотила лом). Но чаще всего она долбит меня за эмоциональность. По ее мнению, мое лицо — все равно что открытая книга. На нем можно прочесть все, даже самые потаенные мысли. Скорее всего, это неправда. Иначе она бы давно меня уволила. Поскольку поначалу мысли мной владела — не приведи Господь! Особенно после бессонных ночей с Мотькой.

Бывший муж частенько интересовался, как он выразился, «моей графиней». И даже мечтал, что, умирая, она оставит мне свой меховой салон. Или фабрику. Или галерею. И мы с ним тогда начнем жить не по лжи. На ее деньги. И Мотька снова предложит мне руку. Только руку, поскольку сердце у него теперь безвозвратно отдано литературе. Поэтому он и ушел от меня. Но обещал вернуться после получения Нобелевской премии. То есть никогда. Иногда Мотька даже предлагал старушку отравить, чтобы ускорить соединение наших душ. Фантазия у него еще та. После такого трудно было держать лицо. Маленькие остренькие глазки Казимиры Львовны, как гвоздики, царапали мое лицо. Казалось, она все внутренности из меня вынимает. Но пронесло. Хотя моя манера держаться все равно ее не удовлетворяла.

Содержание

Спасательный круг.....	3
Главная роль.....	13
Искусство поцелуя.....	25
Комната для двоих.....	35
Девушка из белого «Мерседеса».....	47
Маленькая месть сильных женщин.....	57
Обреченный на успех.....	65
Алые паруса.....	73
Сова со спящими крыльями.....	83
Заблудшие.....	95
Сон.....	105
Аромат женщины.....	113
Афродита выходит на берег.....	119
Судный день.....	135
Тетрадь в коленкоровом переплете.....	145
Манон Лескова.....	151
Грабовый кий.....	161
Пока она улыбалась.....	171
Холодные ключи судьбы.....	179
Как никто другой.....	185
Воздух для медового месяца.....	195
Марка с острова Маврикий.....	203
Тиран из платяного шкафа.....	211
Преследователь.....	219
Вато виновато.....	227
Участковый Ферапонтов.....	237
Экстремальный отдых.....	245
Содержание формы.....	257
Львиная доля.....	267
Хлопов и Рыжикова.....	277
Нищий принц.....	285
Диета с ядом.....	295
Любовь по ориентировке.....	305